

— Автор —
ЭРИКА ОТТЕНС

APEX

ОСКОЛКИ ЦИФРОВОГО РАЯ

Эрика Оттенс

Осколки цифрового рая

<https://litres.ru/74639072>

SelfPub; 2026

Аннотация

В неоновом лабиринте Нео-Эдема, где память стала товаром, а человеческая душа — строкой кода, пересекаются пути двух израненных судьбой людей.

«Осколки цифрового рая» — это киберпанктриллер с душой: история о том, как в мире, где даже чувства можно скопировать и продать, люди учатся оставаться людьми. Это путь сквозь цифровой хаос к хрупкому свету доверия, где каждый выбор оставляет шрам, а каждое спасение требует жертвы. И в конце концов, самое ценное, что можно найти среди осколков, — не потерянные воспоминания, а новую семью, созданную не кровью, а болью, надеждой и общим решением идти вперёд, несмотря ни на что.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Эрика Оттенс

Осколки цифрового рая

Часть первая

Глава 1

Нео-Эдем плакал. Он плакал кислотными, ржавыми слезами, стекавшими по гигантским голографическим лицам корпоративных божеств, что круглосуточно скалили свои безупречные цифровые зубы на перекрестках седьмого яруса. Здесь, внизу, где железо срасталось с плотью в отвратительном прелюбодеянии греха и прогресса, воздух всегда пах озонатором, прогорклым синтетическим маргарином и мочой беспризорников.

Кассандра Вейл — для мертвых просто Кэсс — глубоко затянулась дешевой «химерой», от которой в груди засадило так, будто кто-то провел по легким ржавым напильником. Ей было двадцать восемь, но в зеркале заднего вида угнанного аэроцикла отражалась старуха, высушенная вечным недосыпанием, страхом и этой проклятой, въевшейся в подкорку жаждой ковыряться в чужих мозгах.

Ее левый глаз — имплант модели «Циклоп-4», доставшийся ей от уличного риппера за пару бутылок медицинского спирта и пару старых кредитных чипов — монотонно гудел, проецируя на сетчатку белые каскады шестнадцатеричного кода. Кэсс склонилась над черепной коробкой андроида серии «Аврора». Железо было еще теплым. Точнее, остывало с той мучительной, почти органической неохотой, свойственной всему, что пыталось подражать человеку.

— Ну же, падшая ты тварь, — прошептала она в полумраке мастерской, пропахшей машинным маслом и старой кровью. Тонкие пальцы в потрепанных перчатках без кончиков вцепились в оптические нервы. — Что они от тебя прятали? Какое такое проклятие ты утащила с собой в кремниевый ад?

Она не была ни спасительницей, ни палачом. Кэсс была падальщицей высшего порядка — нейро-археологом. В мире, где люди продавали свои воспоминания за дозу цифрового забвения, она копалась в мусоре чужих душ, извлекая обрывки чужих страстей, измен и кошмаров. Цинизм стал ее второй кожей, броней, толстой и дубленой, под которой уже давно ничего не билось — так, пульсировал рудиментарный комок страха потерять последнее. Сестру. Мию. Пять лет назад корпорация «Апекс» стерла ее имя из реестров живых так чисто, будто та никогда и не делала первого вдоха.

С тех пор Кэсс искала черный рынок памяти. Легенду. Призрак. Место, где хранятся обрывки сознаний тех, кого «Апекс» решил предать забвению.

Вдруг пискнул заслон входной двери. Тяжелый, скрежещащий звук — так Нео-Эдем отторгал непрошенных гостей.

Кэсс даже не обернулась. Наставила на дверь самодельный импульсный пистолет, не глядя. В этом городе вежливость убивала быстрее пули.

— Если ты принес мне очередной перегоревший биочип от сбежавшей проститутки с седьмого сектора, проваливай, — бросила она хриплым, прокуренным голосом. — Мои расценки выросли вместе с ценой на фильтры для воды.

— А если я принес то, что осталось от твоей совести, Вейл? — раздался в ответ голос.

Дверь распахнулась, и в проеме, будто вырезанный из самой тьмы переулка, возник Винор. Не человек — силуэт, сотканный из теней и неоновых светов, что пробивался сквозь щели ставен. На нем был длинный плащ из переработанного кевлара, местами прожженный, местами прошитый нитками из оптоволокна; воротник поднят, скрывая половину лица, а в глазах — не просто холод, а какая-то ледяная, расчетливая

пустота, будто он давно перестал быть человеком и стал механизмом, запрограммированным на результат.

Кэсс не опустила пистолет. Палец лег на спусковой крючок с той привычной, почти интимной уверенностью, с какой держат чашку утреннего кофе — если бы в этом городе вообще пили кофе, а не суррогат из пережженных микросхем.

— Совесть, говоришь? — хмыкнула она, и в этом звуке было столько горечи, что хватило бы на целый квартал. — У меня ее вынули вместе с аппендиксом в тринадцать лет. Если ты не принес ничего, кроме философских сентенций, у тебя ровно три секунды, чтобы исчезнуть, пока я не решила, что ты — лишний шум в эфире.

Винор не шелохнулся. Он даже не моргнул — будто и не умел. Лишь чуть наклонил голову, и в этом движении было что-то неестественно точное, как у куклы-марионетки, чьи нити дергает невидимая рука.

— У меня есть заказ, — произнес он, и голос его звучал так, будто слова проходили сквозь фильтры, приглушенные и оттого еще более зловещие. — И он касается «Алекса».

Кэсс замерла. Даже «Циклоп-4» на мгновение перестал гудеть, будто и имплант прислушивался к этим словам, как собака к далекому выстрелу. В груди что-то дрогнуло — не страх, нет, это было хуже: надежда, острая и ядовитая, как лезвие, которое слишком долго точили.

— Не играй со мной, Винор, — прошептала она, и голос вдруг стал тише, почти беззащитным, что было страш-

нее любого крика. — Если это очередная приманка, чтобы выманить меня на зачистку, я тебя не просто пристрелю. Я вскрою твой череп и посмотрю, что там вместо мозгов — может, найду хоть одну честную мысль.

Он медленно, подчеркнуто медленно, достал из внутреннего кармана прозрачный кейс. Не пластиковый, не металлический — какой-то странный, будто сделанный из застывшего света. Внутри, в невесомом голубом сиянии, плавал чип. Не обычный, не тот мусор, которым торговали на черном рынке. Этот чип пульсировал, как живое сердце, и от него веяло чем-то древним, запретным — той самой энергией, которую «Апекс» прятал за семью печатями.

— Это не приманка, — сказал Винор, и впервые в его голосе проскользнуло что-то человеческое — не тепло, нет, скорее усталость, глубокая, как пропасть между ярусами Нео-Эдема. — Это фрагмент. То, что осталось от памяти одного из их ведущих нейротехников. Его звали Элиас Торн. Он работал над проектом «Амнезия».

Кэсс почувствовала, как по спине пробежал ледяной ток. «Амнезия» — это слово она слышала в кошмарах, в обрывках чужих воспоминаний, в шепоте тех, кто слишком много знал и слишком быстро исчезал. Проект, который позволял не просто стирать память, а переписывать саму суть личности, превращая человека в чистый лист, на котором «Апекс» мог написать что угодно.

— И что? — процедила она, стараясь сохранить маску ци-

низма, но пальцы уже дрожали. — Еще один мертвый гений с секретом в голове. У меня таких секретов — целая свалка.

— Этот секрет ведет к хранилищу, — спокойно ответил Винор. — К тому самому, где «Апекс» держит все стертые воспоминания. Включая... — он сделал паузу, и эта пауза была тяжелее любого признания, — включая память твоей сестры. Мии.

В мастерской стало тихо. Так тихо, что слышно было, как остывает железо андроида, как гудит «Циклоп-4», как где-то далеко, на седьмом ярусе, снова скалит зубы голографический лик корпоративного божества. Кэсс медленно опустила пистолет, но не потому, что поверила Винору — нет, она не верила никому в этом городе. Она опустила его, потому что руки вдруг стали тяжелыми, будто в них налилась вся боль этого мира.

— Откуда ты знаешь про Мию? — спросила она, и в голосе не было угрозы — только голая, обнаженная боль, которую она так долго прятала за сарказмом и грубостью.

— Потому что я тоже ищу, — просто ответил Винор, и на этот раз в его глазах мелькнуло что-то, похожее на тень чувства. — Не память. Месть. «Апекс» забрал у меня все, что имело значение. Теперь я забираю у них то, что они считают своим главным оружием.

Кэсс посмотрела на чип, на этот пульсирующий осколок чужой жизни, и вдруг поняла: перед ней не просто заказ. Перед ней — ловушка, дверь в ад, ключ к разгадке... или к соб-

ственной гибели. Но другого пути не было. В этом городе, где даже воздух был пропитан ложью, это был единственный шанс найти правду.

— Хорошо, — выдохнула она, и слово прозвучало как приговор. — Я возьмусь. Но запомни: если ты хоть раз солжешь мне, Винор... я не стану стрелять. Я сделаю кое-что похуже. Я достану твою память и покажу тебе, кем ты был до того, как «Апекс» превратил тебя в эту тень.

Он едва заметно кивнул, будто принимая условия сделки с самой судьбой.

— Тогда начнем, — сказал он. — Время не ждет. А «Апекс» уже знает, что мы пришли.

И в этот момент где-то над городом завывли сирены, и голографические лики на перекрестках вдруг потемнели, словно сами боги Нео-Эдема почувствовали, что их царство вот-вот рухнет.

Кэсс стояла, не шевелясь, будто сама превратилась в одну из этих ржавых статуй, которыми был усеян переулок за её мастерской — в памятник застывшему сомнению, в идола нерешительности, воздвигнутого посреди гнилого металла и неоновых отблесков. Время, казалось, замедлило свой бег, расплзлось по углам мастерской тягучей, вязкой смолой, и даже сирены, ревущие где-то над городом, звучали теперь не как сигнал тревоги, а как похоронный набат, возвещающий

о конце чего-то давно обречённого.

Винор не двигался, лишь тень на его лице дрогнула, когда очередной всполох уличного света скользнул по прожжённому кевлару плаща, обнажив на мгновение бледную, почти восковую кожу под поднятым воротником. В этой неподвижности было что-то неестественно абсолютное, словно он и впрямь перестал быть человеком и стал частью механизма, холодного и безжалостного, где каждая мышца подчинена одной цели, а каждое слово — выверенный шаг на шахматной доске, где ставкой была не жизнь, а сама память мира.

Кэсс сжала пальцы, и перчатки без кончиков скрипнули, выдавая напряжение, сковавшее её до самых костей. Чип в прозрачном кейсе продолжал пульсировать, и этот ритм, ровный, настойчивый, проникал в сознание, будто пытался навязать ей чужой пульс, чужую волю. Она знала, что стоит только коснуться этого осколка памяти — и её собственная защита, годами выстраиваемая из цинизма и равнодушия, может рассыпаться, как старый бетон под напором кислотного дождя.

— Ты говоришь, что «Апекс» уже знает, — произнесла она наконец, и голос её прозвучал непривычно глухо, будто слова рождались где-то глубоко в груди, пробиваясь сквозь слой страха и надежды, который она столько лет пыталась игнорировать. — Но знаешь ли ты, что это значит? Это значит, что они уже запустили протокол зачистки. Значит, каждый переулок, каждая камера, каждый голографический лик

на перекрёстке теперь — их глаз. Они будут искать нас не по следам, а по отголоскам наших мыслей, по малейшему сбою в городском шуме.

Винор чуть склонил голову, и в этом движении снова проступила та самая механическая точность, которая одновременно пугала и завораживала.

— Знаю, — ответил он спокойно, почти буднично, словно речь шла не о смертельной охоте, а о рутинной проверке систем. — Именно поэтому нельзя терять ни секунды. Хранилище, о котором я говорю, — не просто сервер, не просто банк данных. Это лабиринт из воспоминаний, переплетённых так плотно, что отличить правду от иллюзии почти невозможно. Там хранятся не просто файлы, Кэсс. Там живут обрывки личностей — тени людей, которых «Апекс» стёр, но не смог до конца уничтожить. Они шепчут, кричат, плачут в темноте этих коридоров. И среди них — Мия.

Имя сестры прозвучало в тишине мастерской, как удар колокола, и Кэсс почувствовала, как что-то внутри неё дрогнуло, будто тонкая нить, натянутая до предела, едва не порвалась. Она вспомнила Мию такой, какой видела её в последний раз: не той, кем её сделала корпорация, не безликим фрагментом в базе данных, а живой, смеющейся, с этими вечно спутанными волосами и привычкой напевать себе под нос старые песни, которые они слушали на потрескавшемся плеере в детстве, когда мир ещё казался простым и понятным.

— Лабиринт, — повторила Кэсс, пробуя слово на вкус, словно пытаюсь найти в нём хоть каплю смысла, способную удержать её от падения в эту бездну. — Значит, чтобы найти её, мне придётся пройти через чужие кошмары. Через воспоминания тех, кого они стёрли.

— Да, — кивнул Винор. — И не только пройти. Тебе придётся в них жить. Каждое воспоминание — это ловушка. Оно будет пытаться поглотить тебя, заставить поверить, что ты — это не ты, а кто-то другой. Что твоя боль — это не твоя боль, а эхо чужой трагедии. «Апекс» построил это хранилище так, чтобы никто не смог выбраться оттуда прежним.

Кэсс горько усмехнулась, и эта усмешка была похожа на трещину на старом стекле — тонкая, но глубокая, способная в любой момент превратиться в разлом.

— Прежним? — переспросила она, и в голосе её прозвучала странная, почти горькая ирония. — Да я уже давно не прежняя, Винор. Я столько раз копалась в чужих головах, что иногда сама не могу понять, где заканчиваются мои воспоминания и начинаются чужие. Иногда мне снится, что я — это кто-то другой, и просыпаюсь в холодном поту, пытаюсь вспомнить, как меня зовут на самом деле. Так что если это хранилище попытается меня поглотить... возможно, ему придётся побороться за место.

Она шагнула вперёд, и ботинки глухо стукнули по металлическому полу, нарушив ту зловещую тишину, которая повисла между ними. Протянула руку к кейсу, но не коснулась

его — замерла в миллиметре от прозрачной поверхности, чувствуя, как пульсирующее свечение словно обжигает кожу, даже не касаясь её.

— Скажи мне одну вещь, — прошептала она, не отрывая взгляда от чипа. — Если там, в этом лабиринте, я найду не Мию, а лишь её тень... лишь эхо того, кем она была... что мне с этим делать? Как собрать из осколков то, что уже рассыпалось?

Винор молчал несколько секунд, и в этой паузе было больше боли, чем в любых словах. Когда он наконец заговорил, голос его звучал непривычно мягко, почти человечно, будто на мгновение сбросил ту ледяную броню, которой он себя окружил.

— Не знаю, — признался он тихо. — Возможно, ты не сможешь собрать её целиком. Возможно, тебе придётся довольствоваться тем, что осталось. Но даже тень — это больше, чем ничего. Даже эхо — это голос, который можно услышать, если очень постараться. И если ты услышишь его, Кэсс... значит, она не исчезла окончательно. Значит, часть её всё ещё здесь.

Кэсс закрыла глаза на мгновение, словно пытаясь удержать в памяти тот образ сестры, который ещё не успел раствориться в шуме чужих воспоминаний. Когда она открыла их снова, в них уже не было ни страха, ни сомнений — только холодная, решительная ясность, которая приходит в момент, когда выбор уже сделан, и отступить поздно.

— Ладно, — сказала она твёрдо, и рука её наконец коснулась кейса. Холод стекла, смешанный с едва уловимым теплом пульсирующего чипа, пронзил её пальцы, словно электрический разряд, на мгновение соединивший её с чем-то древним и могущественным. — Веди меня к этому хранилищу. Пока сирены воют, а боги Нео-Эдема темнеют, у нас есть шанс проскользнуть сквозь их сети. Но запомни, Винор: если это окажется ловушкой... если ты хоть на секунду дашь мне повод усомниться в твоих словах... я найду способ заставить тебя пожалеть о том дне, когда ты решил со мной связаться.

Он едва заметно кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение — или, возможно, на облегчение от того, что она всё-таки решилась.

— Тогда идём, — произнёс он, и голос его снова стал холодным и собранным, словно маска вернулась на место. — У нас мало времени. Город уже просыпается, и он не любит, когда кто-то пытается нарушить его хрупкий баланс.

Они двинулись к выходу, и когда дверь мастерскойпахнулась, их встретил Нео-Эдем во всей своей мрачной, ядовитой красе: неоновые огни метались по стенам, как безумные светлячки, дождь смешивался с дымом и какой-то едкой пылью, оседавшей на коже липким налётом, а сирены продолжали выть, перекрывая даже гул города, который обычно заглушал всё на свете.

Кэсс на мгновение остановилась на пороге, вдыхая этот

тяжёлый, пропитанный отчаянием и надеждой воздух. Она знала, что, переступив эту черту, уже не сможет вернуться к прежней жизни — к своим одиноким ночам в мастерской, к копанию в мёртвых мозгах андроидов, к попыткам заглушить боль цинизмом и дешёвой «химерой». Впереди её ждал лабиринт воспоминаний, где каждое эхо могло стать её гибелью — или спасением.

Но где-то в глубине души, под слоями боли и ожесточения, всё ещё тлела искра надежды — слабая, едва заметная, но упрямая, как пламя, которое не хочет гаснуть даже под кислотным дождём. И ради этой искры она была готова пройти через любой ад, который мог предложить ей Нео-Эдем.

Винор остановился на краю переулка — там, где неоновый свет уже не мог пробиться сквозь плотную завесу дождя, и тень, казалось, обволакивала его плотнее, чем любой плащ. Он не обернулся сразу, будто боялся, что движение выдаст в нём что-то человеческое, а он так старательно прятал это под слоями холода и расчёта. Лишь когда Кэсс поравнялась с ним, он чуть повернул голову, и в полумраке блеснула тонкая полоска металла — то ли часть имплантов, то ли просто ответ с пряжки на плаще.

— Прости, — произнёс он, и слово прозвучало непривычно тяжело, будто ему пришлось вытолкнуть его из груди, преодолевая какое-то внутреннее сопротивление. — Я не

могу провести тебя туда. Не в само хранилище. У меня есть доступ к фрагментам, к следам, к отголоскам... но не к ядру. «Апекс» перестроил протоколы после прошлого прорыва. Теперь даже те, кто когда-то ходил по этим коридорам, не могут переступить порог.

Кэсс почувствовала, как внутри что-то неприятно сжалось — не страх, а то самое липкое, горькое разочарование, которое приходит, когда рушится последняя надежда, казавшаяся такой прочной. Она сжала кулаки, и перчатки снова скрипнули, напоминая, что она всё ещё здесь, всё ещё в этом проклятом городе, среди ржавого железа и мёртвых огней.

— Значит, ты притащил мне этот чип, дал мне эту надежду, — процедила она, стараясь не дать голосу дрогнуть, — и теперь говоришь, что дальше мне идти одной? Или вообще никуда?

Винор медленно покачал головой, и в этом жесте было столько усталости, что Кэсс на мгновение увидела в нём не ледяного исполнителя, а просто человека, который слишком долго нёс на себе груз, способный сломать любого.

— Не одной, — тихо ответил он. — Есть тот, кто может провести. Артур Морган. Частный детектив. Работает на грани легального и совсем уже запрещённого. У него есть связи, которых нет ни у корпораций, ни у уличных банд. Он знает, где в стенах города спрятаны двери, о которых никто не должен знать. И он умеет делать так, чтобы эти двери открывались.

— Частный детектив? — Кэсс хмыкнула, но в этом звуке не было прежнего цинизма — только скепсис, смешанный с недоверием. — В Нео-Эдеме каждый второй называет себя детективом, пока не продаст твои данные первому же корпоративному охотнику за головами.

— Морган не такой, — спокойно возразил Винор, будто заранее предвидел этот аргумент. — Он не работает на корпорации. Он вообще ни на кого не работает — только на себя. И у него есть принцип: он не сдаёт тех, кто ищет правду, даже если эта правда может стоить ему жизни. Я знаю его... давно. Ещё с тех времён, когда «Апекс» только начинал стирать имена.

Глава 2

Дождь в Нижнем секторе шёл не каплями, а сплошной, звенящей от электричества пеленой — будто сам город плакал о чём-то давно забытом, но не прощённом. Кэсс стояла под козырьком полуразрушенной аркады, сжимая в пальцах потрёпанный чип-накопитель, словно это был не кусок пластика и кремния, а последняя ниточка, ведущая к сестре. Её пепельные волосы слиплись от влаги, а кибернетический имплант левого глаза тихо гудел, сканируя потоки данных, что текли по невидимым кабелям над головой. Он вспыхивал мягким синим светом — ровно, ритмично, будто отсчитывал секунды до неизбежного. В этом мерцании было что-то болезненно-живое, как биение чужого, но странно знакомого сердца.

Кэсс не доверяла никому — и это недоверие было не слабостью, а доспехом, выкованным из пепла утраты. Каждый встречный взгляд она читала как потенциальную угрозу, каждое слово — как зашифрованную ложь. Её цинизм был острым, отточенным годами одиночества инструментом, которым она защищалась от мира, где память стала товаром, а совесть — редкостью. И всё же сейчас, стоя в этой промозглой темноте, она чувствовала, как её броня даёт трещину: отчаяние подступало слишком близко, чтобы можно было держаться на одном лишь презрении.

Артур Эл Морган появился из тени так бесшумно, что даже уличные датчики не успели среагировать. Он не шёл — он скользил, растворяясь в полумраке и вновь обретая очертания у края тусклого фонаря. Высокий, широкоплечий, с тёмными волосами, прилипшими ко лбу, и шрамом на щеке, который казался не следом раны, а печатью какого-то древнего, невысказанного долга. В его движениях была та особая, выверенная смертоносность человека, привыкшего к краю пропасти — и всё же в глазах, когда он на мгновение задержал взгляд на Кэсс, мелькнуло что-то, похожее на сочувствие. Не жалость — нет, Артур не умел жалеть, — а тихое, почти стыдливое понимание чужой боли.

— Ты та, что ищет чёрный рынок памяти, — произнёс он глухо, не приближаясь. Голос у него был низкий, будто выточенный из камня и ржавчины, и в нём слышался отзвук тысяч невысказанных приказов. — И ты пришла не за советом. Ты пришла за дверью, которую никто не хочет открывать.

Кэсс прищурилась, и синий свет импланта на миг стал ярче, словно пытаясь проникнуть сквозь плотную броню его молчания.

— А ты тот, кто знает, где эта дверь, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал холодно, как лезвие. — Или делаешь вид, что знаешь. В этом городе разница невелика.

Он едва заметно усмехнулся — не весело, а скорее с горькой иронией, будто сам устал от бесконечной игры в недоговорённости.

— В этом городе, — медленно проговорил он, — правда весит тяжелее свинца, а ложь летит, как пух. Я не обещаю тебе ни того, ни другого. Но если ты скажешь, зачем тебе это, я скажу, стоит ли вообще туда идти.

В этих словах не было ни приглашения, ни угрозы — только суровая, почти аскетичная честность, которая в их мире казалась почти святотатством. Кэсс почувствовала, как внутри что-то дрогнуло: не доверие — ещё слишком рано для этого, — но искра надежды, которую она так старательно гасила в себе все эти месяцы.

Она сжала чип крепче.

— Там может быть её сознание, — сказала она, и голос впервые за долгое время дрогнул, выдавая ту самую уязвимость, которую она прятала за цинизмом. — Сестры. Корпорация «Апекс» стёрла её из всех архивов, но ходят слухи, что на чёрном рынке хранят то, что нельзя удалить. Не данные — память. Её смех, её страхи, её сны... всё, что они пытались превратить в мусор.

Артур помолчал, и в этой тишине, нарушаемой лишь шёпотом дождя и далёким гулом неоновых вывесок, что-то сдвинулось. Он не стал спрашивать, не стал утешать пустыми словами — вместо этого он посмотрел на неё так, будто увидел не просто женщину с тайной целью, а человека, готового заплатить любую цену за призрака. И в этом взгляде промелькнуло что-то личное, тяжёлое, словно его собственная память, заблокированная и искалеченная, вдруг отозва-

лась на её боль.

Пять лет назад он был частью операции, разрушившей лабораторию, где работала сестра Кэсс. Он не помнил деталей — только обрывки: холодный металл, запах озона и приказ, который нельзя было оспорить. Но сейчас, глядя на Кэсс, он вдруг почувствовал, как в груди сжимается что-то острое и неумолимое — будто судьба нарочно свела его с той, чьё горе было тенью его собственного невольного преступления.

— Чёрный рынок — это не место, — наконец произнёс он, и его слова прозвучали как приговор и как предупреждение одновременно. — Это лабиринт из лжи, где каждый поворот может стать последним. Туда не ходят в одиночку. И не ходят с надеждой — она там умирает первой.

Кэсс подняла подбородок, и в её серых глазах, контрастирующих с синим свечением импланта, вспыхнул упрямый огонь.

— Тогда скажи, с чем туда ходят, — бросила она, и в этом вызове было столько отчаяния и решимости, что Артур невольно задержал дыхание. — С деньгами? С оружием? Или с чем-то, что тяжелее и того, и другого?

Он медленно кивнул, признавая её правоту.

— С готовностью потерять последнее, что у тебя осталось, — ответил он тихо. — И с пониманием, что, возможно, ты найдёшь не то, что ищешь, а то, что давно боишься увидеть.

На мгновение между ними повисла пауза, наполненная не словами, а чем-то гораздо более глубоким — взаимным

признанием тяжести их нош. Кэсс вдруг осознала, что впервые за долгое время не чувствует себя абсолютно одинокой в этой борьбе. Рядом стоял человек, чья собственная тьма была не менее густой, чем её, но в которой, возможно, тлел какой-то странный, суровый свет.

— Значит, мы идём, — сказала она твёрдо, хотя внутри всё сжималось от страха перед тем, что ждёт впереди. — Не потому что я тебе доверяю. А потому что у меня нет другого пути.

Артур чуть склонил голову, словно принимая этот хрупкий, негласный договор.

— Хорошо, — произнёс он, и в его голосе прозвучала сталь, закалённая годами дисциплины. — Но запомни: в этих коридорах тень может ударить быстрее пули, а слово, сказанное не вовремя, стоит жизни. Держись рядом. И не пытайся быть храбрее, чем ты есть.

Они двинулись вперёд, растворяясь в лабиринте узких переулков, где неоновый свет смешивался с тьмой, создавая причудливые, почти сюрреалистичные узоры на мокрых стенах. Кэсс чувствовала, как с каждым шагом её решимость борется с нарастающим предчувствием беды, а Артур шёл рядом, молчаливый и собранный, словно сам был частью этой мрачной архитектуры города, который хранил слишком много чужих секретов.

И в этом странном союзе двух одиночек, каждый из которых нёс в себе груз непрощённого прошлого, зарождалось

нечто новое — не доверие, не дружба, а та особая связь, что возникает между людьми, стоящими на краю пропасти и готовыми шагнуть в неё вместе, даже если не знают, что ждёт их на дне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.